

ЦЕНА ПРОЖИТОГО ДНЯ

Яков ВАРШАВСКИЙ

ЗИМОЙ 1957 года в редакцию одного кинематографического журнала пришел Николай Константинович Черкасов. С порога он объявил, что в последний раз в жизни снимается в кино, что он измучен съемками и пересъемками и никогда больше — «Слышите? Слово даю — никогда!» — не свяжется с этим изнурительным, невыносимым искусством.

Это было в дни рождения фильма «Дон Кихот». А сегодня по Москве расклеены афиши, на которых мы узнаем черты Черкасова в гордом профиле академика Дронова. Значит, создана еще одна черкасовская кинороль. Причем



Кадр из фильма «Все остается людям». Дронов — Н. Черкасов, его жена — С. Пиявская.

роль, требовавшая от актера чрезвычайного внутреннего напряжения, гигантского расходования нервных сил.

И невольно вспоминается еще одна — тоже в редакции — встреча с этим неподражаемым артистом. Лето 1938 года. Николай Константинович приезжает с Пытихи, прямо с «ледового побоища», снимавшегося, как известно, в июльскую жару. И вот так же — с порога, не утерев пот с лица — начинает рассказывать о роли Александра Невского, о своем понимании искусства перевоплощения, о своем отношении к героическому в жизни и в искусстве.

Пишу об этом вот почему. В сущности, каждый большой, удавшийся образ представляет собой как бы гибрид артиста и роли, то есть сложное, живое сочетание «своего», личного и того, что рождено фантазией художника. Если не сливаются артист и роль в новое существо, которое Станиславский так и называл «артисто-роль», тогда нет актерского искусства, есть лишь его осколки. Академик Дронов, герой фильма «Все остается людям» (он пришел на экран из одноименного спектакля Ленинградского академического театра им. А. С. Пушкина) является сплавом фантазии и реальности, то есть сочетания свойств роли и свойств нашего большого актера-художника Черкасова.

Конечно, Н. К. Черкасов ринулся в новые съемки, в новую трудную кинематографическую работу потому, что желал зажечь зрителей мыслями и чувствами Дронова, потому, что считает крайне необходимым познакомить современников с Дроновым. Сознание конечной гражданственной цели творчества — вот что прогревает насквозь, до основания каждую удавшуюся Н. К. Черкасову роль. Вот живая вода, соединяющая и сра-

щивающая отдельные звенья роли в одухотворенное целое.

Мы сильно и явственно ощущаем глубочайшую заинтересованность артиста в том, во имя чего ставится фильм, исполняется роль. Черкасов всей душой любит «дроновское» начало в людях, сам несет в себе негаснущую искру активнейшего отношения к жизни, сам всегда стоит на позициях обязательного вмешательства в дела современников и хочет привить каждому из нас желание жить, не теряя на пустяки ни дня, ни часа; желание всегда оставаться «на высшем уровне».

Это — неотъемлемое свойство творчества больших советских художников, придавшее «выражение лица» нашему искусству. Советскому кино — как и всему нашему искусству — абсолютно не удаются вещи изысканно-равнодушные, «прелестно-игривые, холодные-печальные. Такие вещи иногда очень хорошо делаются мастерами, выросшими в других общественных условиях, художниками с другой социальной биографией. А советское искусство — всегда страстное искусство. И самая очевидная черта черкасовского творчества — страстность.

Недавно актер писал в газетной заметке, что Дронов — его пятая роль ученого. В самом деле, ведь он сыграл Полежаева, Попова, Мичурина, Жюлио-Кюри. И у каждого — неповторимый облик, свой ритм жизни, особый характер. В нашем фильме Черкасов почти не пользуется гримом — и все-таки портрет Дронова вовсе не совпадает с личным портретом артиста.

Да, искусством перевоплощения Черкасов владеет виртуозно. Но вот ведь что любопытно: в разных его героях, у всех этих молодых и старых, пламенно-темпераментных или сдержанно-молчаливых людей есть одно общее свой-

во: они не могут бесцельно прожить хотя бы день, хотя бы час. Сделать все возможное, чтобы жизнь стала лучше, справедливее, умнее, — не в этом ли «сверхзадача» черкасовских героев?

Есть в роли Дронова крепкий драматический узел. Тяжелая болезнь сердца приблизила трагическую развязку — Дронов знает, что смерть близка, и поэтому стремится прожить каждый оставшийся день так, чтобы дать как можно больше людям, науке. И вот он узнает, что один из его учеников, способный физик Вязьмин, тяжело обиженный и оскорбленный карьеристами и себялюбцами, решил добровольно уйти из жизни. Пораженный таким обесцениванием жизни, Дронов в борьбе за Вязьмина раскрывает свое отношение к действительности, к ее неисчислимым сокровищам.

Дронов — Черкасов — человек воинственный. Фильм, поставленный Г. Натансоном по сценарию С. Алешина (производство киностудии «Ленфильм»), хорошо смотрится там, где передана эта суть образа, и представляется неискusной копией спектакля, как только утрачивается ритм боя за советскую нравственность, как только начинает «излагать» там, где надо звать, убеждать, настаивать, драться.

Важную роль в фильме играют споры Дронова с видным деятелем церкви отцом Серафимом (арт. А. Попов). Это споры о ценности жизни — земной и потусторонней, споры о том, где же искать счастья. Дронов спорит с церковником прежде всего делами. И дела эти — не только лабораторные искания и победы, в которые мы, зрители, должны верить автору на слово, а нравственное вмешательство в людские судьбы. Дронов вовсе не представляет собой нормативный образец для прямого подражания. Он подчас нетерпим, не очень считается с самолюбием окружающих. И все же герои фильма, а с ними и зрители прощают это Дронову. Почему? Какое право у него вмешиваться в чужие дела, и довольно бесцеремонно? Право талантливого личности? Право обаятельного руководителя? Нет, Дронову прощается все это потому, что так явственны его побуждения — не дать упасть уставшему, взбудоражить равнодушного, открыть глаза слепому, наказать мерзавца. И ладно, думаем мы, пусть будет он таким, какой есть, только бы продолжал напоминать, как много возможностей у каждого из нас делать жизнь лучше...

...Здесь нет места разговору о чисто кинематографических достоинствах фильма. Думается, режиссер ставил перед собой задачу довольно ограниченную — сохранить в фильме пафос спектакля и пьесы, донести до зрителя то интересное, что найдено выдающимся актером на сцене. Такая «узость цели», на мой взгляд, не должна становиться правилом — ведь кинематограф обладает своим специфическим оружием, и естественно, возникает сожаление, когда оно используется не в полную силу...

Новый фильм знакомит десятки миллионов зрителей с одним из крупнейших наших актерских достижений. Это особенно радует нас сегодня, когда стало известно, что народный артист СССР Н. К. Черкасов за исполнение роли академика Дронова в фильме «Все остается людям» выдвинут на соискание Ленинской премии 1964 года.